

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-12

УДК 82

**АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ
М.А. БУЛГАКОВА «ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА»**

Ерохов Е.И.

В данной статье впервые проведён мотивный анализ цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» с точки зрения их апокалиптической проблематики. Для выявления апокалиптических мотивов был использован метод мотивного анализа Б.М. Гаспарова, который также поможет доказать взаимопроникаемость мотивов в цикле рассказов. Итогом исследовательской работы является выявление апокалиптических мотивов, которые проявляются в переживаниях главного героя и событиях, происходящих вокруг и проходящих через призму восприятия врачом окружающего мира. Выявленные нами мотивы показывают, что рассказы в цикле объединены не только тематически и с помощью образа главного героя, но и с помощью мотивов, которые отражают взаимопроникаемость апокалиптических мотивов в рассказах одного цикла. В цикле рассказов Булгакова, есть следующие апокалиптические мотивы: болезни, тьмы (как части пейзажа), воскресения из мёртвых, зверя и болезни. Все они относятся к библейскому типу, который выделяется на основе ассоциативной связи этих мотивов с библейскими текстами.

Ключевые слова: М.А. Булгаков; «Записки юного врача»; мотивная структура; мотив; апокалиптический мотив; апокалипсис.

**APOCALYPTIC MOTIFS IN THE CYCLE OF STORIES
BY M.A. BULGAKOV «NOTES OF A YOUNG DOCTOR»**

Erokhov E.I.

The motif analysis of a cycle of stories by M.A. Bulgakov «Notes of a Young Doctor» from the point of view of their apocalyptic problematics was first performed in this article. To identify apocalyptic motifs the method of motif analysis, developed by B.M. Gasparov, was

used which will also help to prove the interpenetration of motifs in the cycle of stories. The result of the research work is the identification of apocalyptic motifs which are manifested in the experiences of the main character and the events taking place around him and passing through the prism of physician's perception of the world. Our identified motifs show that the stories in the cycle are united not only thematically and with the help of the image of the main character, but with the help of the motifs which reflect interpenetration of apocalyptic motifs in the stories of one cycle. There are the following apocalyptic motifs in the cycle of stories by Bulgakov: diseases, darkness (as part of the landscape), resurrection from the dead and beast. They all belong to the biblical type which is allocated on the basis of the associative bond of these motifs with the biblical texts.

Keywords: *M.A. Bulgakov; «Notes of a Young Doctor»; motif structure; motif; apocalyptic motif; apocalypse.*

Мотивному анализу произведений Михаила Булгакова уделяли внимание: Е.А. Яблоков «Мотивы прозы Михаила Булгакова» [12], Б.М. Гаспаров «Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»» [2], М.И. Бессонова «Лейтмотивы как форма выражения авторской позиции в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако специально апокалиптическая проблематика в этих работах не рассматривалась. Исключением является работа Калох-Вид [4], посвящённая апокалиптическим мотивам в рассказе «Роковые яйца», где проведён анализ употребления амбивалентной аллюзии как средства реализации апокалиптических мотивов.

Исследователи практически всё внимание уделяют роли Апокалипсиса, то есть Откровения, в романе «Белая Гвардия». К сожалению, не изучая с точки зрения апокалиптической проблематики «Записки юного врача» Булгакова. Рассказы изучались во многих аспектах: с точки зрения текста и подтекста в работе Е.А. Яблокова [13], повтора мотива в рассказах в работе М. Михеева [7], изобразительных возможностей медицинской лексики в этом цикле в работе Н.Ю. Широлапова [11].

Изучение медицинской лексики связано с тем, что центральной темой цикла является тема становления молодого врача. Тема, которая подразумевает материалистическую основу, прагматичное отношение к жизни, свободное от духовной, библейской тематики. В переживаниях булгаковского героя, внутренних монологах, поведении, мы можем увидеть изображение внутреннего мира человека, его нравственные и жизненные ориентиры. Это отмечает Е.В. Панаева «Сочетание «литература-медицина» не случайно; изучение медицинских дисциплин даёт не

только знание болезней, но и предусматривает проникновение в глубины психики и психологии» [9].

Целью настоящей работы является выявление апокалиптических мотивов, которые проявляются в переживаниях главного героя и событиях, происходящих вокруг и проходящих через призму восприятия врачом окружающего мира.

В работе используется метод мотивного анализа Б. Гаспарова: «Имеется в виду такой принцип, при котором некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во всё новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесённое слово, краска, звук и т.д. Единственное, что конституирует мотив, – это репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного построения, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными «персонажами» или событиями, здесь не существует данного априори «алфавита» – он формируется непосредственно в развёртывании структуры и через структуру» [2].

Суть данного метода в том, что за единицу анализа берутся мотивы, которые будучи кросс-уровневыми единицами, повторяются, варьируясь и переплетаясь с другими мотивами, в тексте, создавая его уникальную поэтику.

Для нас мотивный анализ представляет интерес в связи с «корнями» М.А. Булгакова (отец писателя профессор Киевской духовной академии), а также с неосознанными самим автором ассоциативными рядами (например, с Откровением Иоанна Богослова).

Под Апокалипсисом мы будем понимать название последней книги Нового Завета, которая известна как Откровение Иоанна Богослова. Таким образом, апокалиптическими, мы будем называть такие мотивы, которые напрямую ассоциативно связаны с текстом «Откровения» и книгой Исхода.

«Записки юного врача» – цикл рассказов, которые впервые были опубликованы в 1925-1926 годах. Данный цикл образуют семь рассказов: «Полотенце с петухом», «Крещение поворотом», «Стальное горло», «Вьюга», «Тьма египетская», «Пропавший глаз» и «Звёздная пыль». Однако, как цикл, рассказы вышли в 1963 г. в Библиотеке «Огонька» (№23) с изменением датировки событий в рассказах с 1917 г. на 1916 г., возможно, по цензурным соображениям или с целью искусственного сближения с реальной службой Булгакова в селе Никольского Сычёвского уезда Смоленской губернии земским врачом.

«На основе тщательного анализа мотивов, символов и интертекстуальных ссылок в творчестве писателя Б.М. Гаспаров приходит к выводу, что Булгаков конструирует весь свой художественный мир, от первых повестей до заключительного романа, на основе апокрифического осмысления Нового Завета и, в частности, его заключительной части – Апокалипсиса» [4].

В начале рассказа «Полотенце с петухом» возникает образ смерти, выраженный через белый цвет: «ноги окостенели», «бледное лицо Аксиньи», «на белой, свежешахнувшей, клеенке», «её лицо бумажным, белым», «белые раздавленные кости», а также, через словосочетания: «умирающей...траве», «болела нестерпимой болью», «они не шевелились», «лежали смирно», «синенькими губами», «дом с гробовыми загадочными окнами», «могильной тьме» [1].

Образ смерти следует за булгаковским героем вплоть до операционного стола, на который попадает молодая девушка, похожая на саму смерть «её лицо бумажное, белое, нос заострѐн», «лежала, как труп» [1].

Затем, уже в ходе операции образ смерти отступает: «белый колпак», «беловатая трубочка», «белый «гипс», «снежное-белое полотенце», «светлело в мозгу», «в голове стало светло», «живѐт». Это связано с тем, как главный герой характеризует ситуацию. Если до начала операции в понимании молодого врача окружающий мир враждебен ему: «могильная тьма», «умираешь медленной смертью», «тоскливо поглядел», «я похож на Лжедмитрия», то в процессе операции и после неё осознание себя у героя меняется: «ловко, как опытный мясник», «вдохновлѐнно подумал я», «заметил уважение и удивление», «нет, я не похож на Дмитрия Самозванца» [1]. Таким образом, мы видим, что через смерть и воскрешение проходит не только девушка на операционном столе, которая через два месяца «на двух костылях впрыгнула очаровательной красоты одноногая девушка», но и врач.

То есть булгаковский герой – врач, проходит духовное воскрешение: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр. 20:6). Девушка воскресает физически: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мѐртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Откр. 5:25). Следовательно, в рассказе «Полотенце с петухом» возникает апокалиптический мотив воскрешения.

Рассмотрим мотив света, который выделен у Булгакова в других произведениях, например, в исследовании Ивана Секички «Некоторые мотивы в ранней прозе М. Булгакова». В данной работе мотив света выделяется в рассказе «Красная корона» и романе «Мастер и Маргарита». В «Красной короне» «при включении лампочки психологическое состояние героя резко ухудшается, интенсивность переживаний достигает наивысшей точки, страдания становятся невы-

носимыми», то есть мотив света связан с мотивом безумия. Схожее в исследовании говорится и о «Мастере и Маргарите», где «...свет действует на Ивана подобным образом. Но в отличие от рассказа, в котором фигурирует лампочка, а светильники – один из бытовых предметов, который в мифологии воспринимается как демонический, на Ивана действует сила природы, гром и молния...» [10]. Таким образом, мотив света является переломным моментом в судьбе героев. Сравним с идентичным образом света в исследуемом нами рассказе.

Образ света, связывающий все рассказы цикла, проявляется в лампе-молнии: «Лампа «молния» с покривившимся жестяным абажуром горела жарко, двумя рогами», «Свет «молнии» показался мне желтым и живым», «при желтом мигании пылкой лампы «молнии»», «при свете лампы-«молнии»», «горела лампа-«молния»», «свет керосиновой лампы-молнии», «в свете лампы-молнии...», «вспоминал лампу-молнию». Фактически, данная лампа является единственным источником света на протяжении всего цикла рассказов. Луна или месяц в текстах не упоминаются ни разу, а солнце возникает лишь однажды, когда врач отвлекся от работы и пациентов.

Лампа с зелёным абажуром возникающая в каждом из рассказов символизирует воспоминания М.А. Булгакова об отце: «Особое значение для меня имеет образ лампы с абажуром, это для меня очень важный образ. Возник он из детских впечатлений – образ моего отца, пишущего за столом».

В связи с отсутствием источников света в рассказах возникает контекст, прямо соотносимый с Новым Иерусалимом, а потому связанный с Апокалипсисом.

Иоанн Богослов описывает одну из черт города: «Храма же я не видео в нём, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне» (21:22). Окружающий булгаковского героя пейзаж практически не знает солнца, а с луной и вовсе не сталкивался. Однако Булгаков сравнивает Божий Град не с городом, а с домом, где работает врач: «<...>, оглянулся тоскливо на белый облупленный двухэтажный корпус, на небеленые бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию – двухэтажный, очень чистенький дом с гробовыми загадочными окнами, протяжно вздохнул. И тут же мутно мелькнула в голове вместо латинских слов сладкая фраза, которую спел в ошалевших от качки мозгах полный тенор с голубыми ляжками:

– «Привет тебе... при-ют свя-щенный...»

Прощай, прощай надолго, золото-красный Большой театр, Москва, витрины... ах, прощай».

Описание Нового Иерусалима в Откровении детально и наполнено конкретными реалиями: «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Ос-

нования стены города украшены всякими драгоценными камнями [...] Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло. (Откр. 21:12-23).

Но под описание священного города подходит Москва. Золото-красный Большой театр, словно построенный из ясписа, витрины, как будто город сделан из стекла. Дом же предстаёт как ложный Новый Иерусалим, так как слова: «Привет тебе... при-ют свя-щенный» отсылают нас к опере Шарля Гуно «Фауст», а именно, к дому Маргариты, в который вхож дьявол-Мефистофель.

Таким образом, возникающий в рассказах апокалиптический мотив Нового Иерусалима представлен в двух вариантах. Первый связан с ложным священным городом-домом, который словно перенесён из «Фауста» Гёте. И второй, далёкая Москва, как недостижимый священный город.

Рассказ «Вьюга» единственный в цикле начинается с эпитафия, который взят из стихотворения А.С. Пушкина «Зимний вечер» (1825). «То, как зверь, она завоет, / то заплачет, как дитя» [10]. Для Булгакова эпитаф – обычное явление, он использует его в романах «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», в пьесе «Бег». Таким образом, эпитаф является важной частью произведения, через которую Булгаков передаёт дополнительный смысл.

Слово вьюга, вынесенное в заглавие, употребляется в тексте восемь раз, что говорит об особом смысле, особой роли данного слова. Эпитаф же одушевляет вьюгу, превращая в живое существо. Она затихает, чтобы врач, гордый собой после успешных операций, смог отправиться к больной. Затем она перемещает героя в мир фантазий, где появляется образ смерти: «сияет кровавый шлем», «пожар» [10], предсказывающий события будущего. Больная девушка умирает, и врач никак не может спасти её, после чего, в заново разбушевавшуюся вьюгу, герой возвращается домой. В пути вьюга становится поводом для героя «несёт меня вьюга, как листок» [10], то есть выступает в роли некоего божества, с которым связана судьба врача. После этого вьюга ослабевает, чтобы переродиться в «четвероногую тварь» [10], зверя из эпитафия. В конце рассказа вьюга окончательно одушевляется: «поедешь...ан, поедешь... – насмешливо засвистала вьюга» [10].

Итак, мы видим, что появляется мотив вьюги, который прослеживается в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака, в поэме «Двенадцать» А. Блока, в «Шинели» Н.В. Гоголя, в «Бесах» Ф.М. Достоевского и у самого Булгакова в «Белой гвардии».

Однако в рассматриваемом нами рассказе вьюга не только образ стихии, но и образ зверя, что мы видим как в эпитафии, так и в самом тексте, когда вьюга превращается в чёрную кошку.

«Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13: 2-4). То есть вьюга в рассказе не просто наделяется телом («у неё были острые уши и шла она за санями легко, как по паркету. Что-то грозное и наглое было в её стремлении»), но и обладает свойствами изменяться. В глазах булгаковского героя зверь-вьюга предстаёт то в образе «чёрной кошки», то «кошка выросла в собаку и покатила», то «громадным жилистым телом», «четвероногой тварью», «чёрным зверем», который властью, когда в него верят («несёт меня вьюга, как листок») [10]. Так возникает апокалиптический мотив зверя, проявленный в превращении вьюги в «чёрного зверя».

Мотив в названии скрывается в рассказе «Тьма египетская». Образ тьмы восемь раз возникает в тексте. Во-первых, в названии, а также: «за окошками нет ничего! Тьма...», «Тьма египетская, – заметил фельдшер...», «висела тяжким занавесом метельная египетская тьма», «я буду бороться с египетской тьмой», «это поистине светлый луч во тьме», «тьма египетская в глазах», «потянулась пеленою тьма египетская» [10]. Три раза тьма является, что отсылает нас к книге Исхода и десяти египетским казням: «*Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня;*» (Исх. 10:22-23). То есть возникает прямая ассоциация с девятой из десяти казней египетских, которые являются своеобразным «концом света» для евреев, так как после этого начнётся новая жизнь, а старая умрёт. Поэтому и мотив тьмы в данном контексте будет являться апокалиптическим.

Последний рассказ цикла «Звёздная сыпь» скрывает в названии основной мотив рассказа. Корень «звёзд» употребляется в рассказе восемь раз: «как в небе звёзды», «звездная пыль», «звёздная сыпь» четыре раза, «в звёздах принесли Ивана Карпова», «звёзд на нём уже не было» [10]. В те времена в российской деревне зверствовала одна из самых опасных болезней – сифилис. В 1907 году в российской армии 19,79% состава были заражены данной болезнью [6]. Так, болезнь, «звёздная сыпь», становится не только центральным образом рассказа, но и центральным мотивом. Для дальнейшего анализа мотива интересно сравнение Булгакова «как в небе звёзды», сразу возникает ассоциация с: «конём Апокалипсиса». «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями зем-

ными.» (Откр. 6: 8). Так и здесь, болезнь угрожает значительной части населения деревни, а, следовательно, снова возникает апокалиптический мотив болезни.

Итак, в цикле рассказов Булгакова, есть следующие апокалиптические мотивы: болезни, тьмы (как части пейзажа), воскресения из мёртвых, зверя и болезни. Все они относятся к библейскому типу, который выделяется на основе ассоциативной связи этих мотивов с библейскими текстами.

Выявленные нами мотивы показывают, что рассказы в цикле объединены не только тематически и с помощью образа главного героя, но и с помощью мотивов, которые отражают взаимопроникаемость апокалиптических мотивов в рассказах одного цикла. Эта работа может быть расширена до прослеживания эволюции мотивов в творчестве Булгакова.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Записки юного врача: [Электронный ресурс] 2004. URL:<http://lib.ru/Bulgakow/zapiskiw.txt> (дата обращения 10.09.2014).
2. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава, 1988, №10-12; 1989, №1. 1990, №1.
3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 30-31.
4. Калох-Вид Н. Апокалиптические мотивы в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2014. №5. С. 45-53.
5. Книга Исхода: [Электронный ресурс] 2014. URL:<http://rusbible/sinodal/ish.html> (дата обращения 28.07.2014).
6. Коляденко В.Г., Степаненко В.И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Искусство Лечения. Мистецтво лікування. – К., 2004. №6.
7. Михеев М. «Повтор мотива в «Записках юного врача» Булгаков // Художественный текст как динамическая система. – М., 2006. 346 с.
8. Откровение Иоанна Богослова: [Электронный ресурс] 2014. URL:<http://magister.msk.ru/relig/bible/rusbib77.html> (дата обращения 28.07.2014).
9. Панаева Е.В. Роль медицины в литературной деятельности М.А. Булгакова // Русский язык и славистика в наши дни. – М., 2004. 742 с.

10. Секички И. Некоторые мотивы в ранней прозе М. Булгакова // *Slavica tergestina*. Vol. 6. Trieste, С. 145-161.
11. Широлапова Н.Ю. Изобразительные возможности медицинской лексики в «Записках юного врача» М.А. Булгакова.
12. Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. – М.: РГГУ, 1997. 200 с.
13. Яблоков Е.А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача») / Е.А. Яблоков. – Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 2002. 103 с.

References

1. Bulgakov M.A. *Zapiski junogo vracha* [Notes of a young doctor]: [electronic resource] 2004. URL: <http://lib.ru/Bulgakov/zapiski.txt> (date of treatment 09/10/2014).
2. Gasparov B.M. *Iz nabljudenij nad motivnoj strukturoj romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»* [From observations of the motivic structure of the novel M.A. Bulgakov's «Master and Margarita»] // *Daugava*, 1988, №10-12; 1989, №1. 1990, №1.
3. *Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy. Oчерki russkoj literatury XX veka. literary motifs. Sketches of Russian literature of the twentieth century.* – М.: Nauka. Publishing company «Eastern Literature», 1993. Pp. 30-31.
4. Kaloh-Vid A.N. *Apokalipticheskie motivy v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye jajca»* [apocalyptic motifs in the novel M.A. Bulgakov's «The Fatal Eggs»] // Southern Federal University. Philology. – Rostov-on-Don, 2014. №5. Pp. 45-53.
5. *Kniga Ishoda* [Book of Exodus]: [electronic resource] 2014. URL: <http://rusbible/sinodal/ish.html> (date of treatment 07/28/2014).
6. Kolyadenko V.G., Stepanenko V.I. *Sifilis. Istorija proishozhdenija i rasprostraneniya v Evrope i Rossijskoj imperii. Zabolevaemost' i bor'ba s sifilisom v Sovetskom Sojuze i Ukraine* [Syphilis. The history of the origin and spread in Europe and the Russian Empire. The incidence of syphilis and the fight against the Soviet Union and Ukraine] // *Art of healing. Mistetstvo likuvannya.* – К., 2004. №6.
7. Mikheev M. «Povtor motiva v «Zapiskah junogo vracha» Bulgakov [«Repeat motif in» Notes of a young doctor «Bulgakov»] // *The literary text as a dynamic system.* – Moscow, 2006. 346 p.
8. *Otkrovenie Ioanna Bogoslova* Revelation St. John the Evangelist: [electronic resource] 2014. URL: <http://magister.msk.ru/relig/bible/rusbib77.html> (date of treatment 07/28/2014).

9. Panaeva E.V. *Rol' mediciny v literaturnoj dejatel'nosti M.A. Bulgakova* [The role of medicine in the literary activity of M.A. Bulgakov] // Russian and Slavonic Studies today. – M., 2004. 742 p.
10. Sekitski I. *Nekotorye motivy v rannej proze M. Bulgakova* [Some motifs in the early prose of Bulgakov] // Slavica tergestina. Vol. 6. Trieste. Pp. 145-161.
11. Shirolapova N.Y. *Izobrazitel'nye vozmozhnosti medicinskoj leksiki v «Zapiskah junogo vracha» M.A. Bulgakova* [Fine possibilities of medical vocabulary in «Notes of a young doctor» M.A. Bulgakov].
12. Yablokov E.A. *Motivy prozy Mihaila Bulgakova* [Motives prose of Mikhail Bulgakov]. – M.: Russian State Humanitarian University, 1997. 200 p.
13. Yablokov E.A. *Tekst i podtekst v rasskazah M. Bulgakova («Zapiski junogo vracha»)* [Text and subtext in stories by Mikhail Bulgakov («Notes of a young doctor»)] / E.A. Yablokov. – Tver: Tver. Gos.Un Press, 2002. 103 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Ерохов Евгений Игоревич, аспирант 3-го курса
Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, г. Москва, 119571, Россия
erohov_e@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Erokhov Evgeniy Igorevich, PhD student 3rd year
Moscow State Pedagogical University
pr. Vernadskogo 88, Moscow, 119571, Russia
erohov_e@list.ru